

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ

ПОЭМЫ

Литрес

Николай Алексеевич Некрасов

Поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019246

Аннотация

В книгу «Сочинения» известного русского писателя и поэта Николая Некрасова вошли три самых известных его произведения – «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины» и «Мороз, красный нос», а также большой цикл стихотворений.

Книга «Русские Женщины» посвящена трагической судьбе жен декабристов, которые пошли за своими мужьями в сибирскую каторгу, В «Кому на Руси жить хорошо» раскрывается многообразие жизни на Руси в 1860 гг..

Наиболее выдержанным произведением Н. Некрасова является «Мороз, Красный нос». Это – воспевание образа русской крестьянки, в которой автор усматривает исчезающий тип «величавой славянки». Поэма рисует только светлые стороны крестьянской натуры и благодаря строгой выдержанности стиля в ней нет ничего сентиментального.

Содержание

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО	4
ПРОЛОГ	4
ГЛАВА I. ПОП	20
ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА [16]	38
ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ	56
ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ	75
ГЛАВА V. ПОМЕЩИК	104
КРЕСТЬЯНКА	127
ПРОЛОГ	127
ГЛАВА I. ДО ЗАМУЖЕСТВА	143
ГЛАВА II. ПЕСНИ	151
ГЛАВА III. САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ	160
ГЛАВА IV. ДЕМУШКА	177
ГЛАВА V. ВОЛЧИЦА	191
ГЛАВА VI. ТРУДНЫЙ ГОД	204
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Николай Алексеевич Некрасов Поэмы

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ПРОЛОГ

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:

Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия

Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекосятся!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночьку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялась,

Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» – переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглись звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходакам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали – не дойдем,

Присядем, – делать нечего.
До солнца отдохнем!...»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка.
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!

Косушки ¹ по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,

¹ Косушка – старинная мера жидкости, примерно 0,31 литра.

А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди – уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! ²
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших деревьев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые

² Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра.
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, устала
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые.
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...
Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.

Поймал его Пахомушка,

Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну – мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,

Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —
«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Полутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,

А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков? —

«Найти — найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи! —
«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
*«Эй! скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»*
По вашему хотению,

По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

– Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь – одежду старую
На нас заворижи!

– Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

– Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

– Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

– Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать

Вам будет... Ну, пусти!...»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»
И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,

Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...
Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»
Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
«А что же нет огурчиков?»
«Что нет чайку горячего?»
«Что нет кваску холодного?»
Все появилось вдруг...
Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися.
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —

В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведает
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

ГЛАВА I. ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные ³,

Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)

³ Поемные луга – расположенные в пойме реки. Когда спадала заливавшая их во время паводка река, на почве оставался слой естественных удобрений, поэтому и поднимались здесь высокие травы. Такие луга особенно ценились.

Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются —

Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.

Крестьяне сняли шапочки.
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый,
С широкой бородищею.
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,

Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдём...»

— Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать.
Аминь!.. —

«Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,

Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подрались,
Подравшись – одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,

Покуда не доведем
Как ни на есть – доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: – Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —
«Начинай!»

– В чем счастье, по вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?

Они сказали: «Так»...

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой*?
Начать, признаться, надо бы

Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство ⁴ покупается,
Да лучше помолчим!

...

...

Дороги наши трудные.
Приход ⁵ у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.

⁴ Имеется в виду то обстоятельство, что до 1869 г. выпускник семинарии мог получить приход лишь в том случае, когда женился на дочери священника, оставившего свой приход. Считалось, что таким образом поддерживается «чистота сословия».

⁵ Приход – объединение верующих.

Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте.
Каков попу покой?..

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

— Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет*?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас...

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос!

Крестьяне позамялися.
Молчат — и поп молчит...

— С кем встречи вы боитесь,

Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?..

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошную тучею
Покрылась – затуманилась,

Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.
А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: – Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику

В крестьянстве. А помещики...

«Ты мимо их, помещиков!

Известны нам они!»

– Теперь посмотрим, братия,

Откудова *богачество*

Поповское идет?..

Во время недалекое

Империя российская

Дворянскими усадьбами

Была полным-полна.

И жили там помещики,

Владельцы именитые,

Каких теперь уж нет!

Плодились и множились

И нам давали жить.

Что свадеб там игралось,

Что деток нарождалось

На даровых хлебах!

Хоть часто крутонравные,

Однако доброхотные

То были господа,

Прихода не чуждались:

У нас они венчались,

У нас крестили детушек,

К нам приходили каяться,

Мы отпевали их,

А если и случалось,

Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья... раскольники ⁶...

⁶ Раскольники – противники реформ патриарха Никона (XVII в.).

Не грешен, не жилися я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан ⁷.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат ⁸ пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей,
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!

⁷ Прихожане – постоянные посетители церковного прихода.

⁸ Мат – зд.: конец. Мат – конец игры в шахматах.

Никто не вышьет воздухов ⁹...

Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дать, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг ¹⁰,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сухую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.

⁹ Воздухи – вышитые покрывала из бархата, парчи или шелка, применявшиеся при совершении церковных обрядов.

¹⁰ Сам – первая часть неизменяемых сложных прилагательных с числительными порядковыми или количественными, со значением «во столько-то раз больше». Хлеб сам-друг – урожай, в два раза больший, чем количество посеянного зерна.

Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса ¹¹!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)
Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся

¹¹ Крутая радуга – к вёдру; пологая – к дождю.

По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака ¹²!
Конечно, дело чистое —
За потребу ¹³ воздаяние,
Не брать — так нечем жить.
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились.
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:
— Что, взял? башка упрямая!

¹² Пятак — медная монета достоинством 5 копеек.

¹³ Треба — «отправление таинства или священного обряда» (В.И. Даль).

Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор! —
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем.
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с сметком ¹⁴!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!»
– Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема ¹⁵?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?
Так с бородой козел

¹⁴ Сметок – дешевая мелкая рыбка, озерная корюшка.

¹⁵ Анафема – церковное проклятие.

Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастью крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА ¹⁶

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною

¹⁶ Ярмонка – т. е. ярмарка.

Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего ¹⁷
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,

¹⁷ Никола вешний – религиозный праздник, отмечавшийся 9 мая по старому стилю (22 мая по новому стилю).

Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в раkitнике,
Коростели скрипят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую.
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той сереге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажень в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хватить!
Вскочил и на луг выехал

Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
– Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой. —
«А далеко Кузьминское?»

– Да будет версты три.

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается.
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?

Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного ¹⁸,
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!

¹⁸ Крестный ход – торжественное шествие верующих с крестами, иконами, хоругвями.

Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки ¹⁹:
Помимо склада винного,
Харчевни, рестораны,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных дворигов,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков ²⁰.
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки ²¹ на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики – молодчики
Наметанные, дошлые,
А все им не успеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

¹⁹ Шлык – «шапка, шапчонка, чепец, колпак» (В.И. Даль).

²⁰ Кабак – «питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду» (В.И. Даль).

²¹ Палатка – временное помещение для торговли, обычно – легкий остов, покрытый холстом, позже – брезентом.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горластно, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядячи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,

А хлеба хоть не сей!»

– Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу! —
«А ситцы те французские ²² —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По конной ²³ потолкались,
По взгорю, где навалены
Косули ²⁴, грабли, бороны,
Багры, станки тележные ²⁵,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,

²² Французские ситцы – ситцы пунцового цвета, обычно окрашенные с использованием марены, краски из корней травянистого многолетнего растения.

²³ Конная – часть ярмарки, на которой торговали лошадьми.

²⁴ Косуля – вид тяжелой сохи или легкого плуга с одним лемехом, который отваливал землю только в одну сторону. В России косуля обычно применялась в северо-восточных районах.

²⁵ Станок тележный – основная часть четырехколесной повозки, телеги. На ней держится кузов, колеса и оси.

Погнул другой, потужился.
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями ²⁶, новой обувью,
Издельем кимряков ²⁷.

²⁶ Шлея – часть сбруи, облегающая бока и круп лошади, обычно кожаная.

²⁷ Кимряки – жители города Кимры. Во времена Некрасова это было большое село, 55 % жителей которого были сапожниками.

У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
— А ты постой! — Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
— Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
«Купи гостинчик, дедушка.
Купи!» — Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие

Домашним покажу?..

Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.

Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени²⁸ запасались
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою, —
Тут дело не в комплекции...»

– А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?

²⁸ Офеня – коробейник, «мелочный торгаш вразноску и вразвозку по малым городам, селам, деревням, с книгами, бумагой, шелком, иглами, с сыром и колбасой, с серьгами и колечками» (В.И. Даль).

Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,

Попасть на доку ²⁹ надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навывате,
Да чтобы больше звезд! ³⁰

«А статских ³¹ не желаете?»
– Ну, вот еще со статскими! —
(Однако взяли – дешево! —
Какого-то сановника ³²
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки ³³ – первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера ³⁴,

²⁹ Дока – «мастер своего дела» (В.И. Даль).

³⁰ Т.е. больше орденов.

³¹ Т.е. не военных, а штатских (тогда – статских).

³² Сановник – чиновник высокого уровня.

³³ Лубянка – улица и площадь в Москве, в XIX в. центр оптовой торговли лубочными картинками и книгами.

³⁴ Блюхер Гебхард Леберехт – прусский генерал, главнокомандующий прусско-

Архимандрита Фотия ³⁵,
Разбойника Сипко ³⁶,
Сбыл книги: «Шут Балакирев» ³⁷
И «Английский милорд» ³⁸...

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!...)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,

саксонской армии, решившей исход битвы под Ватерлоо и разбившей Наполеона. Военные успехи сделали имя Блюхера весьма популярным в России.

³⁵ Архимандрит Фотий – в миру Петр Никитич Спасский, деятель русской церкви 20-х гг. XIX в., неоднократно вышучивался в эпиграммах А.С. Пушкина, например «Разговор Фотия с гр. Орловой», «На Фотия».

³⁶ Разбойник Сипко – авантюрист, выдававший себя за разных людей, в т. ч. за капитана в отставке И.А. Сипко. В 1860 г. суд над ним привлек ажиотажное внимание публики.

³⁷ «Шут Балакирев» – популярный сборник анекдотов: «Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого».

³⁸ «Английский милорд» – популярнейшее в ту пору сочинение писателя XVIII века Матвея Комарова «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о его бранденбургской Марк-графине Фридерике Луизе».

Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то
где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!...»
— Пойдем, я укажу! —

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.
Комедию с Петрушкою,

С козою ³⁹ с барабанщицей ⁴⁰
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек.
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»

³⁹ Коза – так в народном театре-балагане называли актера, на голове которого была укреплена козья голова из мешковины.

⁴⁰ Барабанщица – барабанным боем на представления привлекали публику.

– А были мы господские,
Играли на помещика.
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колыхнется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —

Тут трезвому, что голому,
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село...

ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой ⁴¹, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали.
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,

⁴¹ Рига – сарай для сушки снопов и молотьбы (с крышей, но почти без стен).

И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник ⁴² писарю:
Прошение изготовили
К начальнику губернии...»

⁴² Полтинник – монета достоинством 50 копеек.

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула.
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота ⁴³,
Да не про нас ты писана...»
«Посторонись, народ!»
(Акцизные ⁴⁴ чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави Бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою ⁴⁵ —

⁴³ Царска грамота – царское письмо.

⁴⁴ Акциз – один из видов налога на предметы массового спроса.

⁴⁵ Сударка – любовница.

Так это наплевать!»
«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому ⁴⁶
Верхом, с казенной бляхою.)
– В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили... – «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»
– Не веретенце ⁴⁷, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской...

«Эй парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.
Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький

⁴⁶ Сотский – выборный от крестьян, который выполнял полицейские функции.

⁴⁷ Веретено – ручной инструмент для пряжи.

Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
— А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жиятся, и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,

Одна кричит: «Домой иди
Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: – Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Средний зять клубок украл,
Клубок плевков, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..

«Ну полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится. —
Я ничего... пойдём!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...

Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Все чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.

Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые.
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,

Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
— Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем.
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,

Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, —
И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
«Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!»

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная

Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать ⁴⁸
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угоды меряет,
Иной в селенье жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По сколько в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

⁴⁸ Тать – «вор, хищник, похититель» (В.И. Даль).

Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет.
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам ⁴⁹, по зажоринам ⁵⁰

⁴⁹ Коча – форма слова «кочка» в ярославско-костромском говоре.

⁵⁰ Зажорина – подснежная вода в яме по дороге.

Ползком ползет с плетюхами ⁵¹ —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

Жалеть – жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!

⁵¹ Плетюха – в северных говорах – большая высокая корзина.

Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
– Эй! царство ты мужицкое,
Бешапочное, пьяное,
Шуми – вольней шуми!.. —

«Как звать тебя, старинушка?»

– А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Басове
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»*

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.

Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох...

С ним случай был: картиночек
Он сыну накопил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;

Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую

Повесил их небось?»
— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину

Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: – Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?
«Да, бог милостив!»
– Ну, выпей с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якому Веретенников
Два шкалика поднес.

– Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,

Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»
Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: – И я с тобой! —
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: – Уляжемся! —
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: – Угреемся! —
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласились
Ларец свой попытать.

Одна, зачем Бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,

Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
Крестьяне подкрепилися.
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.

Пришел дьячок уволенный,
Тощей, как спичка серная,
И ляды распустил,

Что счастье не в пажитях ⁵²,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
– В благодушестве ⁵³!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов ⁵⁴!
Коль обогреет солнышко
Да пропушу косушечку,
Так вот и счастлив я! —
«А где возьмешь косушечку?»
– Да вы же дать сулилися...

«Проваливай! шалишь!...»

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.

⁵² Пажити – в тамбовско-рязанских говорах – луга, пастбища; в архангельских – пожитки, имущество.

⁵³ Благодушество – душевное состояние, располагающее к милосердию, благу, добру.

⁵⁴ Вертоград Христов – синоним рая.

– Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин ⁵⁵! —
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
– Я счастлив! – говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?
Да не таись, смотри!»
– А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,
Великие и малые,
Нешадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!

«На! выпивай, служивенький!

⁵⁵ Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив – слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин ⁵⁶,
Плечистый, молодой:
– И я живу – не жалуюсь, —
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!

«Да в чем же ваше счастье?»

– А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!

Пахом приподнял «счастье»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело?..»

⁵⁶ Олончанин – житель Олонецкой губернии.

– Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос острый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). —
Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот Бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей.
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? – говорит. —
Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
– А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!

Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабили ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!

«Налить? Да где ж тут счастье?
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!»

– Дослушай! будет счастье!

«Да в чем же, говори!»

– А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.

Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне – лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалось,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутились
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,

Что режу пеунов ⁵⁷!

⁵⁷ Пеун – петух.

(Мы тоже пеунятники ⁵⁸,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов.)
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как Господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами Бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по Божьей милости,
И легче стало мне...

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит Бог!

⁵⁸ Пеунятник — человек, откармливающий петухов на продажу.

У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!.. —
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялись.
— Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, Господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!

Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем ⁵⁹
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай! —
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
— Налей и мне маненичко,
Я счастлив! – говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

⁵⁹ Трюфель – растущий под землей гриб округлой формы. Особенно высоко ценился французский черный трюфель.

– А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою ⁶⁰
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость Божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь! —

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
– Хожу я за медведями.
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Бог милостив!

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
– Свернула мне медведица

⁶⁰ Кострика – одревесневшие части стеблей льна, конопли и т. п.

Маненичко скулу! —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит...» — Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
— Нас у порога лавочник
Встречает подаванием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот...
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай — весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей...»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,

Проваливай домой!»

– А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,
Счастливецem не объявится,
Так и шататься нечего...

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

– Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

– А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися.

Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение;
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплюшал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет! – говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

– Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»

– А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позвольте?»

– Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.

Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,
Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что, часом, ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, Бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит Бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знает,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!...»

И чудо сотворилось:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,

Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадался
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: – Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет! —
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдвинулись подъячие,
Позеленел Алтынников,

Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего.
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей Бог ведает!
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилось,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,

Отдав тот рубль слепым...
Так вот каков Ермил Ильич. —
«Чудён! – сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

– Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?

«Слыхали, ну так что ж?»
– В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,

И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.
Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и Бог велел!

Однако, волей Божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника.
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,

А нам велел из вотчины
Бурмистра изобразить.

Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: – Ермилу Гирина! —
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,
С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»
А мы: – Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен! —
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному.
Душой не покривил...

«Стой! – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!

Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина...»

– А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
– Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрать бы не велел,
Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!

Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилось
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —

Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухой,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!
Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука; сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести.
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не бахвалится,
Сходите вы к нему.

— Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермилу, Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш

Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.

Да! был мужик единственный!

Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!

Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит...

«Как так?»

– А воля Божия!

Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,

Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия.
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство.
Сам Государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласкою попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
– Народ поверит Гирина,
Народ его послушает... —
«Позвать его живей!»

.....

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин. —
Откуда прыть явилась!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина

Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

– Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

ГЛАВА V. ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румянененький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами ⁶¹,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!...»

⁶¹ Венгерка с бранденбурами – короткая мужская куртка, напоминавшая венгерский национальный костюм, украшенная толстым блестящим шнуром.

Крестьяне рассмеялись:
– Какие мы разбойники,
Гляди – у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил! —
«Кто ж вы? чего вам надобно?»

– У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам! —

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!

Ну, в чем же ваша речь?...»
– Спрячь пистолетик! послушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику.
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится

В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока

И покатился со смеху...
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

– Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет! нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Трошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести.
А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
— Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого.
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,

В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал...»
Ну, поняли, любезные?»
– Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь. —

«Вы все свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,
Казну пограбить думали,
Да их казнили смертью»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откуда
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

– А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь – вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

– Так! – отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,

Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»
Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви Божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,

Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два – по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги – целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я... Боже мой!...»
Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прощка!» – закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврила Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие

Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,
Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники ⁶²
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица черно-бурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостяжданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! улю-лю!.. ату!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,

⁶² Выжлятник – управляет сворой гончих собак на многолюдной псовой охоте:
выжлец – гончий кобель.

Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису...
Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовались,
Посмеивались в ус...

«Ой ты, охота псовая!
Забудут все помещики,
Но ты, исконно русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля ⁶³;
У каждого помещика
Сто гончих в напуску ⁶⁴,
У каждого по дюжине
Борзовщиков ⁶⁵ верхом,
При каждом с кашеварами,

⁶³ Отъезжие поля – места сбора и ночевки охотников.

⁶⁴ Напуск – свора гончих собак.

⁶⁵ Борзовщик – управляет сворой борзых собак на многолюдной псовой охоте.

С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!

Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»
Вдруг, как струна, порвалась,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прощка! – закричал,
Глотнул – и мягким голосом
Сказал: – Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал – любя.
Порвалась цепь великая —

Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.
Я в воскресенье Светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни
Не брезгают, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» – Воистину! —
Крестьяне разговляются.
Пьют брагу и вино...
Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускались,
Молись – хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины

Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»
– Так! – отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»
«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны...
Ждешь не дождешься осени,
Жена, детишки малые,
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,

А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,
Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань...

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!...»

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись. – Покой крестьянину
И царствие небесное!» —
Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку – и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)...

«Невесело

Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное

Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные ⁶⁶
Да глупые посредники ⁶⁷.
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных.
Дормезов шестерней!
Катит семья помещицы —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:

⁶⁶ Поляки пересыльные — т. е. высланные из Польши за участие в восстании.

⁶⁷ Мировой посредник — в период 1861–1874 годов из местных дворян выбирали посредника для урегулирования разногласий между освобожденными крестьянами и помещиками.

Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, – мужик любитесь,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —

Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит – топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,

Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталась...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: — А кто же ждал? —
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!...»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я Божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.

У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного.
А мне поют: «Трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо Божие,
Носил ливрею царскую.
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилась
Одним концом по барину,
Другим по мужику!...»

КРЕСТЬЯНКА

ПРОЛОГ

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,

Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди Божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажнили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные...
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,

Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно.
Поцаловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалась,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет – щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:

Что ни изба – с подпоркою,
Как нищий с костылем,
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.

Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...

Народ в полях – работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока – глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посреди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границую,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:

По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!...»

Как прусаки ⁶⁸ слоняются
По нетопленной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик.
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на помочь! Как ловится?..»

– Всего один карась!

⁶⁸ Прусак – рыжий таракан. Крестьяне «вымораживали» тараканов – не топили комнаты несколько дней.

А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь – свищи в кулак!

– Хоть бы пяточек вынули! —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.
– С балкону!
«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

– Жду – не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе – не житье! —
И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —

В железном-то тазу?»
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало.
А мать кричит: – Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. – Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!

«Да что в них проку? зелены!»

– Мы рады и таким!
Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!»

И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка... стойте! с надписью!...»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять – и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадались,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры.
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
– Купите! – Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

– А тоже грамотеями
Считаетесь! – с досадою
Дворовый прошипел. —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные

Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики. —
Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел – и прямо за сердце
Хватал он наших странников:

Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные.
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

– Певец Ново-Архангельской,
Его из Малороссии
Сманили господя.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали...
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу... —
«Зато уж голосок!»

– Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:

Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымет
Да рывкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
– Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить! – «И-ду!...»
«Иду»-то это в воздухе
Час целый откликается...
Такие жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
– Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла! —
«Чу! песня за деревнею,
Прощай, горюшка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася

Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц, —
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек,
Что рожь без васильков).
«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»
— Что нужно, молодцы? —
Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богачейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

— Что нужно вам, молодчики?

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,

Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится

В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися.
Подравшись, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем

Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,

Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески
В чем счастье твое?»

Не то чтоб удивилась
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...
– Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

– У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые...

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра – к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
– Согласна, – говорит, —
Такие-то вы brave,
Нажнете, не заметите,

Снопов по десяти.

«А ты нам душу выложи!»

– Не скрою ничего!

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос – дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде – страсть!

Уж звезды рассажалися

По небу темно-синему,
Высоко месяц стал.
Когда пришла хозяйюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

ГЛАВА I. ДО ЗАМУЖЕСТВА

– Мне счастье в девках выпало:

У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись дó свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»

Управится с горшочками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит – пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье – недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее – да полное
Лукошко набери!...»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества ⁶⁹
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «Бери-ка грабельки

⁶⁹ Обычай.

Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаеть,
Грязна домой воротишья,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежихонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» — уйдет...

Да как я их ни бегала,
А выискался суженой,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:

«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно.
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!...»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества

Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил братец! шелку, гарусу
Купи – семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке – солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночь я продумала...
«Оставь, – я парню молвила, —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

– Такую даль мы ехали!
Иди! – сказал Филиппушка. —
Не стану обижать! —

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!
«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,
А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!»
— Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.
Пока мы торговались,
Филиппу я: «Уйди ты прочь!»,
А он: — Иди со мной! —
Известно: — Ненаглядная,
Хорошая... пригожая... —
«Ай!..» — вдруг рванулась я...
— Чего ты? Эка силища! —
Не удержи — не видеть бы
Вовек ему Матренушки,
Да удержал Филипп!

Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастье...
А больше вряд когда!
Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...

Вздыхнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилась,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

«Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!»

— Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вздогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилась —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилась,
И волюшка ⁷⁰ скатилась
С девичьей головы...

«Так, значит, свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных, —
Поздравить молодых».

«Давай! Начни с хозяйюшки».
«Пьешь водку, Тимофеевна?»

— Старухе — да не пить?..

⁷⁰ Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимали волю, т. е. ленту, которую носят девицы до замужества.

ГЛАВА II. ПЕСНИ

У суда стоять —
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять —
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...

Все, что в песенке
Той певалось,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать...»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники (*хором*)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,

Свекровь-матушка по сеничкам
похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники (*хором*)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

– Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо – зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь – у кабатчика
Пропажу выкупай.

И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, – полумертвого
Подкинули в сарай...

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день ⁷¹,
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас – нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то

⁷¹ Первое катание на санках.

Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать...

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
– Раз только, – тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» – спросили странники.

– Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты ⁷² разбились.
«Дай башмаки Оленушке,
Жена!» – сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
«Ну, благо ты приехала,
И так походишь!» – молвила

⁷² Коты – женская теплая обувь.

Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
«Давненько не видались мы,
А знать бы – так не ехать бы!» —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка...
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку.
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня

От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

– Филипп на Благовещение
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писанный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велят – работаю,

Как ни бранят – молчу.

Да тут беда подсунулась:
Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка...»
– Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того! —
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
– Гони его, родимая,
По шее! – «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», —

Сказали мужики.

– Ну то-то! речь особая.

Грех промолчать про дедушку.

Счастливец тоже был...

ГЛАВА III. САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривой,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распрямится?
Пробьет дыру медведице
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов,
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,

В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеименым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится.
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!..»
А крепко досадят ему —
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золушка – к окну:
Ан вместо сватов – нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.

А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час.

.....

«Погибшие... пропащие...»

.....

«Эх вы, Аники-воины! ⁷³

Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

.....

«Недотерпеть – пропасть,
Перетерпеть – пропасть!...»

.....

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного! ⁷⁴

Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти – муки адские
В ту-светной жизни ждут».

.....

«Надумалась Корёжина ⁷⁵,
Наддай! наддай! наддай!...»

⁷³ Аника-воин – популярный в ту пору фольклорный персонаж, хваставший непомерной силой.

⁷⁴ Сермяга – грубое некрашеное сукно, обычно изготавливалось дома. Так же называлась и одежда из подобного сукна.

⁷⁵ Корёжина – место, в котором проходила жизнь Савелия в молодые годы.

.....

И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький...
Вот раз и говорю:
«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

— Я каторжником был. —
«Ты, дедушка?»

— Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал...

«И полно! шутишь, дедушка!»

— Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И все мне рассказал.

— Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,

Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем.

«Да как же так, Савельюшка?»

– А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие.
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим – военный был —
К нам достигнуть пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по́ году, —
Вот были времена!
А ныне – барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...
Тьфу! прах ее возьми!..

Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп ⁷⁶ я похож? —

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили – не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

– По времени Шалашников
Удумал штуку новую,

⁷⁶ Деревенский колодец.

Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная,
Наехала полиция,

Мы дань ей – медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы – шкурами звериными!
А в третий – мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли... (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» – Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились... —
«Оброк!» – Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.
Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались

В головушках – дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков» ⁷⁷
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то – вот Бог! – решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет – рад придумочке.)
Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие —

⁷⁷ Лобанчики – монеты.

Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
«Вперед не посраимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год – зовет... дерет...

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпчивал,
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!
Как примет дань Шалашников,
Уйдем – и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталось!

Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы...

Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною ⁷⁸ убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке

⁷⁸ Варна – в 1828 г., во время Русско-турецкой войны шли кровопролитные бои за крепость Варна. Ныне – крупный болгарский город.

Для уженья снаряд.
И был сначала тихонький:
«Платите сколько можете».
– Не можем ничего! —
«Я барина уведомлю».
– Уведомь!.. – Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу – бац да бац!
Смеялись мы: – Не любишь ты
Корёжского комарика...
Не любишь, немчура?.. —
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» – А в чем твоя
Работа? – «Окопать
Канавками желательно
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
– Ну, хорошо! – Рубили мы,
А немчура показывал,

Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялись
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга ⁷⁹
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост; накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,

⁷⁹ Каторга – один из самых тяжелых видов тюремного заключения, связанный с работой на рудниках или на строительстве в труднодоступных местах.

Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца – хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!

«Как вы терпели, дедушка?»

– А потому терпели мы,
Что мы – богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик – не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою – а богатырь!
Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней – сломались.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит – катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?
«Ты шутишь шутки, дедушка! —

Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

– Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы – кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как были вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!

«А что же немец, дедушка?»

– А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали – до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.

Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдвятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?...»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы погрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме... всё на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» — я слово выронил, —

Под слово люди русские
Работают дружей.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулись...

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»
— Дальше — дрянь!
Кабак... острог в Буй-городе.
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,

Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...

Тут кончил речь Савельюшка...

«Ну, что ж? – сказали странники. —
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!»

– Невесело досказывать.
Одной беды Бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» – сказали странники

(Им слово полюбилися)

И выпили винца...

ГЛАВА IV. ДЕМУШКА

– Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет-зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась

До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не лентясь
Удобрали, ухостили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопам нагужала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагужается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани – на базар!)
Вдруг стоны я слышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:

«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех – недоглядел!...»

Ой ласточка! ой глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день – то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детеньшей твоих.
Ой бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит... еще беда!

Ребята испугались,
По избам разбежались,
У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой.
Бежит в поля, луга.
Собрал народ: идут – кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порывивал...
«Эй! женка! состоялась ты
С крестьянином Савелием

В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
– Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет... Чай, знаешь сам? —
Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристом,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.

Вздогнула я, одумалась.
– Нет, – говорю, – я Демушку
Любила, берегла... —
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
– Нет! сохрани Господь!... —
И тут я покорилась,
Я в ноги поклонилась:
– Будь жалостлив, будь добр!

Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!.. – Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее – нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, —
Металась и кричала я:
– Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на Господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, Боже Господи!
Чтоб тлен пришел на платице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей-юродивых!
Прими, услыши, Господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!.. —

«Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке – широкий нож,
В другой ручник – и кровь на нем,
А на носу очки!

Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.

– Ножом в сердцах читаете, —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.

Тут я опять рванулася...
«Ну, так и есть – помешана!
Связать ее!» – десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой

И прежде помешательство
Вы примечали?»

– Нет! —

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

– Не примечали, нет! —

Спросили деда старого:

– Не примечал! ровна была...

Одно: к начальству кликнули,

Пошла... а ни целковика ⁸⁰,

Ни новины ⁸¹, пропащая,

С собой и не взяла!

Заплакал на взрыд дедушка.

Начальничек нахмурился,

Ни слова не сказал.

И тут я спохватилась!

Прогневался Бог: разуму

Лишил! была готовая

В коробке новина!

Да поздно было каяться.

В моих глазах по косточкам

Изрезал лекарь Демушку,

Циновочкой прикрыл.

⁸⁰ Целковик – серебряный рубль.

⁸¹ Новина – небеленый холст домашней выделки.

Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: – Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожались.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела?)
Без церкви намолилися,
Без образа наклонялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченные...
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал.
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
– У нас народ – всё голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние

В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат! —
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка...
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все...
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит... С рук скатились
Веревки... Я не помнила
Потом уж ничего...

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею.
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова

Сияла, как чертог.
Вошла – и все я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке.
Ой, страшно будет спать!..

«Уйди!...» – вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты... уйди!...»

Старик ни с места. Крестится.
Читает... Уходилась я,
Тут дедко подошел:
– Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал.
Да рассказал не все:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь – сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,

Как кошка, умывалася...
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с Богом спорить нечего,
Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

— Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему... —

Заплакал старый дед.

«Я не ропщу, – сказала я, —
Что Бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни Бог, ни царь не вступится?..»

– Высоко Бог, далёко царь...

«Нужды нет: я дойду!»

– Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти. —

«Да почему же, дедушка?»

– Ты – крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
– Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку! —

И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал...

ГЛАВА V. ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, – все жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру ⁸².

Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:

⁸² Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то Бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

«Убей!» Я в ноги кланялась:

«Убей! один конец!»

Повесил вожжи батюшка.

На Деминой могилочке

Я день и ночь жила.

Платочком обметала я

Могилку, чтобы травушкой

Скорее поросла,

Молилась за покойничка,

Тужила по родителям:

Забыли дочь свою!

Собак моих боитесь?

Семьи моей стыдитесь?

«Ах, нет, родная, нет!

Собак твоих не боязно,

Семьи твоей не совестно,

А ехать сорок верст

Свои беды рассказывать,

Твои беды выпрашивать —

Жаль бурушку гонять!

Давно бы мы приехали,

Да ту мы думу думали:

Приедем — ты расплачешься,

Уедем — заревешь!»

Пришла зима: кручиною

Я с мужем поделилася,

В Савельевой пристроечке

Тужили мы вдвоем. —

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

– Нет. Он в своей каморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделю,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь – когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь – когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютное —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит – ясным соколом,
Позади летит – черным вороном,
Впереди летит – не укатится,
Позади летит – не останется...
Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет нүжды сказывать...
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. «Савельюшка!
Откуда ты взялся?»

– Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил Господь... Прости! —

«Давно простила, дедушка!»

Вздохнул Савелий... – Внученька!

А внученька! – «Что, дедушка?»

– По-прежнему взгляни! —

Взглянула я по-прежнему.

Савельюшка засматривал

Мне в очи; спину старую

Пытался разогнуть.

Совсем стал белый дедушка.

Я обняла старинушку,

И долго у креста

Сидели мы и плакали.

Я деду горе новое

Поведала свое...

Недолго прожил дедушка.

По осени у старого

Какая-то глубокая

На шее рана сделалась,

Он трудно умирал:

Сто дней не ел; хирел да сох,

Сам над собой подтрунивал:

– Не правда ли, Матренушка,

На комара корёжского

Костлявый я похож? —

То добрый был, сговорчивый,

То злился, привередничал,

Пугал нас: – Не паши,

Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые
Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга.
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая – шелку красного,
А третья – шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай... —
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал – исполнили:
Зарыли рядом с Демою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом... Всему
Я покорила: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя – в постель;
За всех, про всех работаю, —
С свекрови, свекра пьяного,

С золовушки бракованной⁸³
Снимаю сапоги...

Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрене
Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И Бога-то ей боязно,
И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,

⁸³ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то первая называется бракованной.

Я перед Богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, Бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася,
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
— Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков! —
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сiju я, — так рассказывал
Сынок мой, — на пригорочке,
Откуда ни возьмись —

Волчица преогромная
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка.
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет – оглянется,
А я как припущу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька.
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету.
Глядит, поднявши голову,

Мне в очи... и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!...»

Так вот что с парнем случилось.
Пришел в село да, глупенький,
Все сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»
– В чем дело? – Кликнул старосту
И мигом порешил:
– Подпаска малолетнего
По младости, по глупости

Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать! —
«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

– Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста. —
Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте...»
«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится
Легла я, молодцы...
.....

В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:

«Ты плакал, что ли, бедненький?

Спи. Ничего. Я тут!»

Тужила я по Демушке,

Как им была беременна, —

Слабенец родился,

Однако вышел умница:

На фабрике Алферова

Трубу такую вывели

С родителем, что страсть!

Всю ночь над ним сидела я,

Я пастушка любезного

До солнца подняла,

Сама обула в лапотки,

Перекрестила; шапочку,

Рожок и кнут дала.

Проснулась вся семеюшка,

Да я не показалась ей,

На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,

Избрала я место тихое

У ракитова куста.

Села я на серый камушек,

Подперла рукой головушку,

Зарыдала, сирота!

Громко я звала родителя:

Ты приди, заступник батюшка!

Посмотри на дочь любимую...

Понапрасну я звала.

Нет великой оборонушки!
Рано гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь – ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь – слезами обливаюся,
День – как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

ГЛАВА VI. ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.